

Евгений Юшин

Я ПОДНИМАЮ ВОДУ ИЗ КОЛОДЦА

* * *

Евгений Юрьевич Юшин родился в 1955 году в городе Озёры. Жил на Рязанищине, в Забайкалье. Окончил педагогический институт в Улан-Удэ. Автор многих книг стихотворений. Лауреат премии им. А.Т. Твардовского, Всероссийского поэтического конкурса им. А.С. Пушкина, литературной премии им. Александра Невского и Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

От деда пахнет медом, туманом, огородом,
Рыбацкою лодчонкой, копченым рюкзаком,
От бабушки — стогами, вареньем, пирогами,
От мамы то малиной, то теплым молоком.
От бати — пот и порох

и дней тяжелый ворох.
Жена рассветом пахнет и щебетом детей.
Стоим и замираем, а в церкви пахнет раем,
А в церкви пахнет раем и родиной моей.

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Он упал. И упала земля на него,
Словно мама ладонью прикрыла.
— Боже мой! И не будет уже ничего, —
Прошептала могила.
И заткнули ей рот, и поставили крест.
А ведь были бы дети.
По земле ходит много печальных невест —
Без любви, без ответа.
И кукушка — ты слышишь? —
рыдает: «Ку-ку»!

Словно годы листает.
Вот прикрыла глаза, все сидит на суку
И — мечтает, мечтает...

Алексею Шорохову

Идет братишка минным полем,
 Дорогой хлюпкой, горевой.
 А мы грехи его отмолим,
 Чтоб воротился он домой.
 И сквозь пожухлую дернину
 И перышки зеленых трав
 Донской Димитрий мчит дружину,
 За землю русскую восстав.
 Они поддержат нашу песню —
 Кутузов, Жуков... Жгучий год!
 Они — пришли, они — воскресли,
 Чтоб за собой вести народ.
 И мы — готовы. Степь — былинна.
 Зари пожара — не унять!
 Идет братишка полем минным,
 Чтоб мог Суворов проскакать.
 Война рванула взрывом — в ноги
 И — кровью в горло. Солона!
 И дышит пепел на дороге,
 И ходит полем седина.
 И — ад вокруг, и — Рай в глазах,
 И — мамка плачет в небесах!

* * *

И мы не простые, и жизнь не проста.
 Иуда, как прежде, целует Христа.
 Иуда, как прежде, Христа предает,
 Как прежде, безмолвствует тихий народ.
 Но все-то не просто, и все-то не так.
 Шипит на Россию надменный поляк.
 Братушка болгарин который уж год
 Оружие нашим врагам подает.
 А как целовали и в дружбе клялись!
 К груди прижимались, но вот отреклись.
 И речи пустые и очи пусты.
 Славянское братство, да было ли ты?
 Когда ж черный морок с братьев опадет.
 Собой ужаснется предавший народ,
 И с горькой слезою к России придут
 Все те, кто с молитвой к Христу припадут?
 А мы будем помнить, что жизнь не проста.
 Иуда опять поцелует Христа.

ЖАЖДА

Я поднимаю воду из колодца.
Она густа. Чем выше — тем ясней.
Я тороплюсь, ведро о стенки бьется,
И вот уж губы тянутся за ней.
Я пью и пью, и не могу напиться.
И льется — холодна! — на грудь мою.
Вот так и жизнь — то меркнет, то искрится,
То холодом обдаст, а я пою.
Пою о ней...

Об этой вот букашке,
Что не спеша по колышку ползет,
Об этой вот улыбчивой ромашке,
Что ждет меня часами у ворот.
Пою о милых мне глазах осенних,
О земляничных заревых губах,
Озерах тучных, рощах песнопенных,
Как табуны гривастых ковылях.
Плеснул случайно — о сапог водица.
Стою и долго шурюсь в синеву.
Я воду пью и не могу напиться,
Все не могу напиться. И — живу!

* * *

Всему свой час. Не раньше и не позже.
Да разве в годы детские мечтал,
Что стану я поэтом. Речка Вожа
Светила мне и алый краснотал.
Молочный дух от стойла, дед — с покоса.
Почтарь с велосипедом — будет весть.
Не ведал я, когда обнял березу,
Что это вот поэзия и есть.
Поправила она свой фартук белый
И побежала. Я — за ней, за ней!
И улыбалась бабушка и пела,
За мною наблюдая из сеней.

ОДИНОЧЕСТВО

Я живу на окраине. Дальше — леса.
Приютилась избушка за дикою грушей.
Страшно, друг мой, ночами смотреть в небеса,
Словно космос голодный глядит в мою душу.
Это он за моим одиноким окном
Мириадами льющихся звезд пролетает.
От него не укрыться за флягой с вином.
Он лесами бушует и небом вскипает.

Что с того, что сирени пускаются в вальс?
Он не слышит счастливые внешние трели.
Он за мною следит миллиардами глаз,
Что давным уж давно свои жизни пропели.
Миллионы минувших и будущих лет
Разве могут заметить какую-то птаху?
Но поет соловей, предвещая рассвет,
И срываю я, ставшую тесной, рубаху.
Льется космос, и топит огни городов,
И земли-то не видит — сквозящий, глубокий.
Видит только души огонек одинокий,
И она, как заря, — разбивается в кровь.

* * *

А когда я уйду, вы, любимые, ждите,
И тогда возвращусь я росой на раките,
И озерной зарей, и волною плескучей,
Аржаными полями и пьяною тучей.

И когда ты увидишь лодчонку, березу,
Над полынью вспорхнут золотые стрекозы,
И туман о заре принесет свою весть...
Это я тут и есть, это я тут и есть.

* * *

Мир любовью живет. А иначе, зачем он, неистовый?
Плачут горько по-детски кудрявые волны в реке.
Осень греет дорогу последними рыжими листьями,
И она, согреваясь, в рассветном плывет молоке.
Все так дорого мне: и грачиные стаи над вязами,
И шаманская пляска костра в задремавшей ночи.
На росе — тишина. Морда месяца — над коновязями.
И стога на полях — куличи, куличи, куличи.
Все любовью живут. Даже черная жаба холодная,
Поседевший от инея серый мосток у реки.
На прохладной волне покачнется звезда путеводная.
И на веслах по лунной дорожке пойдут рыбаки.
Все любовью живут: золотые шмели и смородина,
Пьяный луг на меду, пескари у прибрежных осок...
И — никак без любви, потому что — и воля, и родина,
Жаворонок веснушчатый и заревой колосок.

* * *

Мне холодно в мире. Тепла бы немного,
Немного реки и немного дороги,
Лесов говорливых, плескучих озер.
И бабушкин на полотенце узор.

Немного бы песни, немного бы луга,
Да чтобы со мной говорила пичуга,
Еще бы — калина и вишня в саду,
Кузнечик-травинка, карасик — в пруду.
Но холодно в мире, а надо немного:
Любимая чтобы ждала у порога.

РАССВЕТ У БОЛОТА

Синий мох под ногою вздыхает.
И порхают, и тают огни.
Это росы, как слезы, мерцают,
Как счастливо прожитые дни.
Сколько их пролетело и скрылось,
Стало дымкою прожитых лет?!
Вот и молодость мне отоснилась,
И любимой со мной уже нет.
И листок, оторвавшись несмело,
Закружился и под ноги лег.
Неужели и жизнь пролетела,
Словно этот озябший листок?
Млеет клюква от ласки змеиной
Навсегда ускользящих дней.
Но румянится солнце малиной
И дымятся туманы у пней.
А болото печалит свою прячет.
А туманы кружат на лугу.
То ли пляшут, а может быть, плачут?
Я никак разглядеть не могу.

* * *

Дождит. Гремит по водостоку.
В густой траве стоит вода.
И все бредут, бредут с востока
Небес тяжелые стада.
Нет, я не жалуюсь, я даже
Люблю, накинув плащ-брезент,
Идти и словно в Эрмитаже
Смотреть картин размытый свет.
Лесок, сарайчик, стыннут прясла.
А дальше — елей терема.
И все так зыбко, так не ясно,
Но так родно, как жизнь сама.
Скворечник серый грустно, кротко
Оглядывает оком.
Река — в мурашках. Вот и лодка.
И мы плывем, плывем, плывем...